

С. В. Смирнов

РУССКИЕ ОФИЦЕРЫ-ЭМИГРАНТЫ О КИТАЕ: ОБРАЗ ИНОГО

Аннотация. В российском общественном сознании второй половины XIX – начала XX вв. на фоне имперской экспансии России на Восток шел интенсивный процесс формирования имперского ориентализма, имевшего определенную специфику в сравнении с его европейскими вариантами. Крушение Российской империи, утрата ее бывшими подданными особых правовых привилегий в Китае и превращение их в эмигрантов, практически не защищенных никакими правовыми нормами, почти не повлияли на восприятие эмигрантами Китая. Изучение эго-документов, принадлежащих русским офицерам-эмигрантам, участникам китайских милитаристических и революционных войн 1920-х гг., позволяет подтвердить существующее в научной литературе утверждение, что восприятие русскими эмигрантами Китая в целом осталось в рамках ориенталистских представлений, характеризующих Китай как страну экзотическую, отсталую и неспособную к самостоятельному прогрессивному развитию, в известной мере представляющую угрозу цивилизованным странам. Вместе с тем записи русских офицеров отражают наличие духа формирующегося боевого русско-китайского братства, стирающего грани различия между расами и культурами.

Ключевые слова: ориентализм; образ Иного; русские офицеры-эмигранты; «желтая опасность»; Китай; Мукденская милитаристская группировка

Sergei V. Smirnov

RUSSIAN EMIGRANT OFFICERS ABOUT CHINA: THE IMAGE OF THE OTHER

Abstract. In the Russian public consciousness of the era of Russia's imperial expansion to the East (the second half of the XIX – early XX centuries), there was an intensive process of formation of imperial orientalism, which had a certain specificity in comparison with its European variants. The collapse of the Russian Empire, the loss by its former subjects of special legal privileges in China and their transformation into emigrants, practically not protected by any legal norms, had almost no effect on the perception of China by emigrants. The object of our study are ego-documents belonging to Russian emigrant officers, participants in the Chinese militaristic and revolutionary wars of the 1920s, which allowed them to come into close contact with Chinese reality. The study of these ego-documents allows us to confirm the statement existing in the scientific literature that the perception of Chinese by Russian emigrants remained within the framework of orientalist ideas. China is represented here in such characteristics as an exotic country, backward and incapable of independent progressive development, as well as to a certain extent a threat to civilized countries. Russian officers' records, however, reflect the presence of the spirit of the emerging Russian Chinese military brotherhood, blurring the lines of distinction between races and cultures.

Keywords: Orientalism; the Image of the Other; Russian emigrant officers; "Yellow danger"; China; Mukden militarist group

В результате имперской экспансии России в восточном и южном направлении во второй половине XIX – начале XX вв. в российском общественном сознании существенное развитие получила система представлений о Востоке в целом как некой амбивалентной сущности Западу и его отдельных частях, обычно рассма-

триваемая современными исследователями в контексте имперского ориентализма. Имея много общего с европейским ориентализмом, его российский вариант, формировавшийся путем симбиоза заимствованных в ходе модернизации европейских идей империи, как символа прогресса и цивилизации и исконных представлений в духе последнего православного царства, был наделен своими особенностями. Для российского ориентализма, в известной мере обосновывавшего территориальную экспансию российского государства, наряду с тезисом об особой миссии империи, заключавшейся в обращении «варварских» азиатских народов к передовым достижениям Запада, было характерным позиционирование России как евразийской державы, призванной в силу своего местоположения и близости к азиатским культурам возглавить азиатские народы на пути к прогрессу, и в то же время стать форпостом для защиты цивилизованного мира от варварских орд «разбуженного» Востока («желтая опасность») [Ремнев; Схиммельпеннинк ван дер Ойе, 2001].

Крушение Российской империи и появление в ряде азиатских стран, прежде всего в Китае, крупных русских эмигрантских общин, чьи члены были лишены особых правовых привилегий, которые они имели ранее наряду с представителями других западных стран и находились под местной юрисдикцией, мало изменили, как показывают существующие исследования [Схиммельпэннинк ван дер Ойе, 2019; Chiasson; Hsu], представления эмигрантов о странах проживания, оставшиеся по своей природе ориенталистскими. Наше обращение к источникам личного происхождения (эго-документам – дневникам и мемуарам, составленным на основе дневниковых записей в эмигрантский период, в 1930-е гг.) одной из групп русской эмиграции в Китае – бывших офицеров Белой армии, призвано выявить, насколько это утверждение верно.

Наш интерес к эго-документам, исходящим из среды русских офицеров-эмигрантов, обусловлен следующими моментами. Во-первых, в 1920-е гг. в силу постоянных милитаристских и революционных войн в Китае наблюдался большой спрос на бывших русских военнослужащих, которые в качестве наемников служили в армиях различных китайских генералов. Особенно массово русские оказались представлены в войсках лидера Мукденской (Фэнтяньской) военной группировки, маршала Чжан Цзолия и его генералов [Балмасов; Мелихов; Огороков; Смирнов]. Как никакой другой слой эмиграции бывшие белые офицеры оказались глубоко погружены в драматические события китайской истории этого периода и, как их участники, имели возможность наблюдать китайскую действительность во многих регионах страны. Во-вторых, офицеры, будучи частью русской образованной элиты с ее сильно выраженными западническими ценностными ориентациями, являлись носителями ориенталистских представлений, имевших зачастую умозрительный характер и актуализированных опытом непосредственного пребывания в Китае.

Исследуя письменное наследие офицеров-эмигрантов, мы можем выделить по крайней мере три основные характеристики Китая, представленные в текстах эго-документов: Китай экзотический, Китай отсталый и неспособный к самостоятельному прогрессивному развитию, Китай как угроза.

Итак, в записях русских офицеров Китай нередко предстает как страна экзотическая, своеобразный объект колониальной этнографии. Внимание привлекает

китайская архитектура (особенно Запретный город в Пекине, куда русские любили устраивать экскурсии после установления в 1926 г. контроля Мукденской группировки над провинцией Чжили), китайский быт, с его зачастую отсутствием элементарных норм европейской повседневной жизни, обычаи. Почти во всех записях встречаются упоминания или описания китайских публичных казней, специфического элемента китайской действительности, вызывавшего интерес у европейских путешественников с XIX в. Так, полковник А. А. Тихобразов, описывая посещение Пекина, отмечает: «По дороге видели быт китайцев, в том числе пытки и казни с вырезанием у женщин груди, мускулов ног, отрезанием рук и т. п. Все это производит гадкое впечатление» [Дневник полковника А. А. Тихобразова, с. 235].

Картины китайской экзотики сопровождаются описанием разрухи и бедствий, которые приносят с собой бесконечные войны: грязь, голод, болезни, высокие налоги, – все это усугубляется огромной численностью и бедностью населения, которое массово вымирает при любом неурожае. Китайские крестьяне, очень смиренные и невероятно трудолюбивые, буквально голыми руками обрабатывающие жалкие клочки своей земли, чаще всего безропотно сносят свое положение и «мрут как мухи» [Дневник майора И. И. Штина, с. 215]. Даже когда они организованы в отряды самообороны для защиты своих деревень от солдат вражеских армий, строй жизни их остается прежним.

Для русских наблюдателей китайское население не индивидуализируется, это толпа, человеческий рой, серая масса солдат (цвет форменной одежды в китайской армии – С. С.), обладающая лишь коллективным сознанием. И. И. Штин замечает: «На пространстве нашей четверти десятины стоит фанзешка (фанцзы – тип традиционного китайского жилища на севере страны – С. С.), в которой живет семейство из десяти душ!.. Все спят на канах (кан – обогреваемые с помощью дымоотвода очага широкие нары – С. С.), там же чифанят (принимают пищу – С. С.), тут же умирают и рождаются. И вот на этом кусочке все и работают. Да мало того – тут же есть несколько холмов – это могилы предков и умерших родственников» [Там же].

Китай, по мнению русских офицеров, это страна, в которой закон – воля сильного. Любой генерал, оккупировавший со своей армией на некоторое время ту или иную территорию, становится царем и богом для местного населения. Даже в условиях военного времени русских удивляет простота китайского судопроизводства: «Картины казней агитаторов (агенты революционного Кантонского правительства – С. С.) были изумительны по своему азиатскому колориту: к прокурору приводили арестованного и лицо, которое указало на его виновность; указчик тут же получал несколько десятков новеньких долларов; арестованный отводился в сторону, следовал треск выстрелов, и затем убирали его труп» [Зубец, 2012, с. 40].

Все авторы указывают на отсталость и даже неспособность китайцев самостоятельно достичь прогресса. Яркий пример – китайская армия: казармы не отапливаются, нет теплушек для перевозки войск зимой, почти отсутствует медицинская помощь: «Китай есть Китай, и он долго таким будет, и вряд ли скоро его армия станет сколько-нибудь похожей на регулярные армии других стран» [Дневник полковника А. А. Тихобразова, с. 295]. В тех случаях, когда воинская часть противника демонстрировала хорошую подготовку и высокие боевые качества, рус-

ские офицеры подозревали присутствие чужой руки – работу иностранных (в том числе советских) советников и инструкторов, зарубежные поставки современного вооружения.

Корнем многих проблем Китая, по мнению авторов записок, являлось отсутствие у китайцев гражданского и национального самосознания. Для китайского солдата «тот, кто лучше кормил и аккуратнее платил жалованье, был в его глазах источником его благополучия. Если старшему начальнику было угодно поворачивать руль своих политических расчетов в ту или иную сторону, солдат точно и беспрекословно следовал за ним» [Зубец, 2009, № 33, с. 30]. Китайцы в массе своей лишены каких-либо принципов, и все дело у них сводится к наживе – к «фацаю». Китайская «нация, как и все азиаты, очень хитрая, двуличная, трусливая и с огромной склонностью к эксплуатации чужого труда» [Манжетный, с. 334, 371]. Китайские генералы также продажны и «действуют под чьим-нибудь влиянием и на чьи-нибудь деньги. Таким образом, разные заинтересованные в китайских событиях державы имеют здесь своих подкупленных генералов, с которыми и оперируют все время, поддерживая гражданскую войну в стране» [Дневник майора И. И. Штина, с. 226]. Продажности китайского генералитета русские офицеры посвящают немало места в описании китайских междоусобиц. Все это, считают авторы, создает малопривлекательные перспективы для Китая: либо он будет поделен заинтересованными державами, либо развалится сам.

В рассматриваемых нами текстах нередко встречается противопоставление *белых* (европейцев и русских как олицетворения наиболее прогрессивной части человечества) и *желтых* – «полудикарей», у которых отсутствует «движение души и сердца», даже если они получают европейское образование и приобретут светский лоск [Манжетный, с. 371]. Людей, которые недоверчиво относятся к «более ясным, простым и продуктивным методам работы [белых]» [Зубец, 2009, № 33, с. 26], и требуют постоянного внешнего воздействия. Даже упоминание негативных явлений в среде русских военнослужащих в китайской армии (повальное пьянство, мародерство, интриги, политическая борьба) обычно осуществляется авторами записок в контексте идеи, что русские были сами виноваты в падении престижа белого человека, всегда служившего примером и образцом для подражания, в глазах туземцев [Дневник полковника А. А. Тихобразова, с. 278–280].

В отдельных эго-документах мы обнаруживаем и упоминание о «желтой опасности». В одном случае – как отрицание ее реальной угрозы в силу отсталости и неспособности Китая к прогрессивному развитию, а также невероятной трусости китайской нации [Манжетный, с. 372]. В другом – как нечто вполне реальное благодаря самим европейцам, открывшим для Китая современные, прежде всего военные технологии. Характерно, что в качестве символа «желтой опасности» здесь выступает разбуженный от тысячелетнего сна китайский дракон – образ, часто тиражировавшийся европейской и российской массовой печатью в начале XX в., особенно в период восстания ихэтуаней (1898–1901).

В воспоминаниях полковника Зубца есть эпизод, описывающий его впечатление от встречи с воинской колонной китайского 55-го полка Суйнинского пограничного района, который мы позволим себе привести с незначительными купю-

рами: «В низких красноватых лучах заходящего солнца, резко отбивая ногу в такт с металлическим пением труб, колыхаясь синими огнями штыков, тихо плыли мимо нас широкие, скуластые желтые лица... Распущенное черное полотнище знамени, с кроваво-красными иероглифами на нем, кривые, широкие мечи за спинами солдат знаменного взвода, тупое и жестокое выражение лиц. Все это вместе производило жуткое впечатление, будто разбудили спавшего в темных пещерах тысячелетним сном китайского дракона, и он, шелестя чешуей, извиваясь громадным блестящим телом, движется по поверхности земли, отыскивая горящими кровью глазами виновников его пробуждения» [Зубец, 2009, № 34, с. 28].

В то же время нельзя не отметить, что на фоне в целом ориенталистского, часто негативного восприятия Китая, в эго-документах русских офицеров-эмигрантов иногда проявляются совершенно иные нотки. Боевая страда сближает людей разных рас, формирует равноправное боевое братство, а смерть окончательно стирает все различия. Эта мысль отчетливо звучит у полковника Зубца в эпизоде описания похорон погибших русских и китайских военнослужащих в городе Цинаньфу, служившем базой для Русской группы войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана: «Кажется, эти похороны стирали различие между желтыми и белыми людьми: мы умираем так же, как и они. И, как они, мы так же заботимся о торжественном переходе души умершего в лучший мир» [Зубец, 2011, с. 48].

В качестве заключения хотелось бы отметить, что изучение письменного наследия русских офицеров-эмигрантов и сравнение его образцов с источниками личного происхождения, исходящими из других слоев русской эмиграции в Китае, в целом подтверждают выдвигаемую такими исследователями, как Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе, Сю Чаинь, Б. Р. Чиассон и др., идею о сохранении в сознании русских эмигрантов элементов имперского ориентализма, накладывавших свой отпечаток на восприятие русскими Китая и китайцев. Политическая ситуация в Китае в 1920–1930-е гг., а также мероприятия китайских властей, направленные на восстановление суверенитета страны и возвращение «отнятых иностранцами прав», только укореняли ориенталистские представления русских эмигрантов, что, в свою очередь, способствовало диаспоризации русской эмигрантской общины в Китае.

Список литературы

- Балмасов С. С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М. : Центрполиграф, 2007. 559 с.
- Дневник майора И. И. Штина // *Балмасов С. С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М. : Центрполиграф, 2007. С. 204–231.
- Дневник полковника А. А. Тихобразова // *Балмасов С. С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М. : Центрполиграф, 2007. С. 232–298.
- Зубец В. А.* На службе в китайской армии // *Русская Атлантида.* 2009. № 33. С. 21–30; № 34. С. 22–32; 2011. № 40. С. 46–53; 2012. № 43. С. 40–44.
- Манжетный М. М.* Воспоминания русского полковника китайской армии / Предисл. А. Н. Кравцова. М. : Кучково поле; Издательский центр «Воевода», 2019. 416 с.
- Мелихов Г. В.* Русская «Нечаевская дивизия» в армии северных китайских милитаристов (Формирование. Состав. Командование). 1924–1928 гг. // *Труды Института российской истории.* Вып. 6 / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2006. С. 120–139.
- Окорочков А. В.* Русские добровольцы. М. : Авуар консалтинг, 2004. 400 с.

Ремнев А. В. «Крест и меч»: Владимир Соловьев и Вильгельм II в контексте российского имперского ориентализма // *Ориентализм vs. Ориенталистика: сб. статей / Отв. ред. и сост. В. О. Бобровников и С. Дж. Мири.* М. : Садра, 2016. С. 253–290.

Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х годов). М. : ЛитРес: Самиздат, 2019. 712 с.

Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // *Ab Imperio.* 2001. № 1–2. С. 211–227.

Схиммельпэнник ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П. С. Бавина. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 287 с.

Chiasson B. R. Administering the colonizer: Manchurian's Russian under Chinese rule, 1918–1929. Vancouver–Toronto : UBC Press, 2010. 290 p.

Hsu Chia Yin. Railroad Technocracy, Extraterritoriality, and Imperial *lieux de memoire* in Russian Émigrés' Manchuria, 1920–1930s // *Ab Imperio.* 2011. № 4. С. 59–105.

The article was submitted on 11.03.2023